

Гилберт Кит Честертон

Неразрешимая загадка

Шесть футов гения

Однажды матушка Гилберта Кита Честертона, встревоженная странностями в его поведении, отправилась посоветоваться с директором школы Святого Павла, где учился ее сын. И тот, выслушав ее пространные жалобы, ответил коротко: «Шесть футов гения. Лелейте его, миссис Честертон, лелейте».

Странностей действительно хватало: Гилберт вечно все терял, забывал адреса и имена, пропускал поезда и званые обеды, случалось, находясь вне дома, присылал жене телеграммы с вопросами: где он, что он там делает и куда должен отправиться. С детства он был невероятно неуклюж, все валилось у него из рук, и при его почти двухметровом росте и грузной комплекции это особенно бросалось в глаза.

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) был живым воплощением парадоксов, которыми насыщена его проза. С одной стороны — пьяница, заядлый курильщик, неряха, обжора, спорщик с отвратительным характером, мистик и спирт в юности, обладатель множества талантов, которые,

судя по всему, ему предстояло растратить впустую, лентяй, не желающий продолжать образование. С другой — один из крупнейших британских писателей конца XIX — первой трети XX веков, выдающийся христианский мыслитель и блестящий историк литературы, чьи книги не утратили своего влияния на умы и сегодня, человек, которого папа римский назвал «защитником веры».

Перу Честертона принадлежат двести рассказов, четыре тысячи эссе, несколько пьес, знаменитые романы «Человек, который был Четвергом», «Шар и Крест» и «Перелетный кабак», блестящие религиозно-философские трактаты и глубокие историко-литературные труды — всего восемьдесят томов. Звезда его творчества сияла неповторимым светом в созвездии титанов британской литературы начала XX века: Редьярда Киплинга, Бернарда Шоу, Герберта Уэллса, Бертрана Рассела, Артура Конан Дойла, Томаса Харди и Джона Голсуорси. Биографии писателя посвящены сотни исследований, она сама по себе похожа на роман, полный драматических событий, конфликтов и противоречий, и любой желающий сегодня может с ней познакомиться в деталях.

И все же невозможно отделаться от ощущения, что далеко не последнюю роль в том, что Честертон сумел осуществиться как писатель и мыслитель, сыграл один из его героев — отец

Браун. Вернее, его прототип, с которым Честертон познакомился еще в 1904 году, когда гостил у друзей в деревне.

Он был католическим священником, и звали его Джоном О'Коннором. Плотный низкорослый человек с неприметной внешностью, слегка рассеянный и из-за этого порой попадающий в смешные ситуации — именно таким его и описал Честертон, не забыв наделить редкой остротой ума и поразительным умением вникать в мотивы человеческих поступков. Они разговорились — речь зашла о природе зла и его тайнах, и Честертон был поражен удивительным сплавом чистоты и мудрости в характере нового знакомца, его пронизательностью и способностью поверять здравым смыслом расхожие мнения. А еще — его умением удивляться и при этом видеть мир ясно, словно впервые, в сочетании с глубоким знакомством с самыми темными и греховными безднами человеческой души.

Вот этот человек и стал для писателя учителем веры — благодаря отцу О'Коннору Честертон обратился в католичество — его духовником, близким другом на долгие годы и художественным открытием.

Такого героя, как отец Браун, литература, в особенности детективная, еще не знала. Никаких изоощренных приемов, улик, следственных

экспериментов, сыска и слежки, единственный инструмент дознавателя — умение поставить себя на место другого человека. И даже в отношении законченных мерзавцев герою-священнику это удается — очередной парадокс! — благодаря христианскому смирению. Еще одно глубокое отличие в том, что отец Браун далеко не всегда стремится покарать преступника. Для него важнее раскаяние, исповедь человека, заключившего сделку с силами зла, и последующее искупление.

В необъятном творческом наследии Честертона рассказы об отце Брауне занимают, на первый взгляд, не такое уж значительное место, однако по популярности с ними не может сравниться ни одна из его книг. В общей сложности рассказов больше пятидесяти, они составили пять сборников, которые были опубликованы между 1911 и 1935 годами. И буквально каждый из этих рассказов — маленький шедевр, открывающий читателю нечто новое о человеке и его отношениях с собственным внутренним миром, иначе говоря — с душой.

Такие открытия дорогого стоят, потому-то весь цикл рассказов об отце Брауне по праву вошел в золотой фонд мировой литературы XX века.

А. Климов

Дуэль доктора Хирша

Месье Морис Брюн и месье Арман Арманьяк бодро, но не теряя важности пересекали залитые солнцем Елисейские Поля. Оба господина были невысокого роста, подвижные и лысые. И у обоих были черные, казавшиеся совершенно неуместными бородки, подстриженные на тот странный французский манер, согласно которому любая растительность на лице должна казаться накладной. У месье Брюна бородка имела форму клинышка и росла прямо из-под нижней губы. У месье Арманьяка, как будто нарочно, чтобы чем-то отличаться от спутника, было сразу две бородки, торчащие по углам внушительного подбородка. Оба мужчины были еще молоды. Оба были атеистами, непреклонными в своих взглядах, но весьма непостоянными в их выражении. Оба были студентами великого доктора Хирша, ученого, публициста и моралиста.

Месье Брюн снискал себе определенную известность своим предложением удалить из классической французской литературы обычное

слово прощания «Adieu»¹, а за его употребление в разговорной речи взимать небольшой штраф. «Вот тогда, — говорил он, — человек наконец перестанет слышать по двадцать раз на дню имя этого воображаемого Бога». Месье Арманьяк, которому ближе был вопрос о противостоянии милитаризму, предлагал заменить в «Марсельезе» слова «Aux armes, citoyens»² на «Aux grève, citoyens»³. Впрочем, его миролюбие было по натуре истинно французским. Когда один видный и очень богатый английский квакер⁴ приехал к нему, чтобы разработать подробный план разоружения всей планеты, он был немало озадачен предложением Арманьяка начать с того, что солдаты должны расстрелять своих офицеров.

И в этом заключались главные отличия этих молодых мужчин от их учителя и духовного наставника. Доктор Хирш, хоть и родился во

---

¹ Корень слова «Adieu» (до свидания) — «Dieu» (Бог).

² «К оружию, граждане» (*фр.*).

³ «На забастовки, граждане» (*фр.*).

⁴ Квакеры — протестантское религиозное течение, проповедующее благотворительность и пацифизм.

Франции, где и снискал огромную славу на ниве образования, был человеком совсем иного склада — мягкий, непрактичный и добрый, вопреки своим скептическим взглядам, он не был лишен определенного трансцендентализма. Короче говоря, он был больше похож на немца, чем на француза, и, как бы ни уважали его эти двое галлов, где-то в глубине души они испытывали к нему что-то вроде презрения за то, что его призывы к миру носили такой неагрессивный характер. Однако для остальных его приверженцев, разбросанных по всей Европе, Поль Хирш был святым от науки. Его всеобъемлющие и смелые теории привлекали к нему все новых и новых последователей, которые находили пример для подражания в его аскетической жизни и невинной (хоть и несколько холодно-безразличной) нравственности. Это был своего рода Дарвин и Толстой в одном лице. Но он не был ни анархистом, ни космополитом. В отношении разоружения доктор Хирш придерживался довольно умеренных взглядов, которые были подвержены изменениям. Правительство республики именно ему доверило решение некоторых вопросов, связанных с химией. Не так давно он даже изобрел бесшумную взрывчатку, технологию изготовления которой власти держали в строжайшей тайне.

Жил он в небольшом доме на уютной улочке рядом с Елисейскими Полями. Здешние деревья этим жарким летом до того разрослись, что она стала почти неотличима от самого парка. Ряд каштанов закрывал солнце, и лишь в одном месте был заметен просвет — там на улицу выступало большое кафе. Почти прямо на него выходил окнами дом знаменитого ученого, с белыми занавесками в зеленую полоску и длинным, во весь второй этаж железным балконом, тоже выкрашенным зеленой краской. Арка под ним вела в небольшой утопающий в зелени дворик, куда и прошли двое оживленно беседующих французов.

Дверь им открыл Симон, старый слуга почтенного ученого, который внешне сам вполне мог сойти за солидного доктора, поскольку одет был в строгий черный костюм, носил очки, имел благородную седину и разговаривал низким спокойно-доверительным голосом. По правде говоря, он намного больше походил на выдающегося ученого мужа, чем его хозяин, доктор Хирш, маленький рыжеватый мужчина с головой такой огромной, что тело казалось не более чем незначительным придатком. С важным видом именитого врача, вручающего пациенту рецепт, Симон протянул месье Арманьяку запечатанное письмо. Молодой человек со свойственной

французам нетерпеливостью надорвал конверт и быстро прочитал следующее:

«Я не могу спуститься и поговорить с вами. В доме находится человек, с которым я не хочу встречаться. Это Дюбоск, офицер и шовинист. Сейчас он сидит на лестнице. В остальных комнатах он уже учинил настоящий погром. Я пока заперся у себя в кабинете, мои окна выходят на кафе. Если вы меня любите, ступайте туда, займите столик на улице и ждите. Попытаюсь отослать его к вам. Мне бы хотелось, чтобы вы попробовали его как-то успокоить. Сам я не могу с ним встречаться. Не могу и ни за что не встречусь.

Ждите очередного дела Дрейфуса.

П. Хириш ».

Месье Арманьяк посмотрел на месье Брюна. Месье Брюн взял у него из рук письмо, прочитал и посмотрел на месье Арманьяка. После этого они вдвоем отправились в кафе, где заняли небольшой столик под каштанами и заказали две рюмки абсента, этого ужасного напитка, который они, похоже, могли потреблять в любом месте и в любое время. Кроме них в кафе почти никого не было. За одним столиком какой-то военный потягивал кофе,

за другим крупный мужчина пил сироп, а рядом с ним сидел священник, который не пил ничего.

Морис Брюн прочистил горло и произнес:

— Мы, разумеется, должны помогать учителю во всем, но...

Тут он многозначительно замолчал, и заговорил Арманьяк:

— Может, у него и есть причины не желать встречи с этим человеком, но...

Прежде чем кто-либо из них смог закончить предложение, стало ясно, что захватчика все же удалось вытеснить из дома. Кусты перед аркой дрогнули и расступились, когда из них, как пушечное ядро, вылетел непрощенный гость.

Это был крепкий мужчина в небольшой фетровой тирольской шапочке, сидевшей набекрень. Он вообще сильно смахивал на тирольца — мощные, широкие плечи и худые, подвижные ноги в бриджах и вязаных чулках. На его загорелом, как у папуаса, лице беспокойно поблескивали очень яркие карие глаза; темные волосы, зачесанные на лоб спереди и коротко подстриженные на затылке, очерчивали мощный квадратный череп. Еще у него были огромные, как рога бизона, черные усы. Такие мощные головы, как правило, сидят на бычьих шеях, но у него шея по самые уши была обмотана широким пестрым шарфом, концы которого спереди скрывались под пиджаком и чем-то

напоминали празднично-яркий жилет. В расцветке шарфа сочетались густые, холодные цвета: темно-красный, тускло-желтый и фиолетовый. Возможно, изготовили его на востоке. В этой фигуре нельзя было не почувствовать оттенок варварства, так мог выглядеть какой-нибудь венгерский помещик, а не офицер французской армии. Впрочем, его речь явно выдавала в нем француза, а французский патриотизм его был горяч до нелепости. Едва пробравшись через кусты, он трубным гласом закричал на всю улицу: «Есть здесь французы?» — и прозвучало это так, словно он искал христиан в Мекке.

Арманьяк и Брюн сразу же встали, но было уже слишком поздно. Со всех сторон к нему ринулись люди, начала собираться небольшая толпа. Наделенный врожденным французским знанием уличных законов, черноусый перебежал через дорогу к кафе, запрыгнул на столик, чтобы не упасть, схватился за ветку каштана и закричал, как, должно быть, Камиль Демулен⁵ когда-то кричал, разбрасывая дубовые листья над слушателями.

— Французы! — завопил он. — Я не умею красиво говорить! Но поэтому я и говорю, черт

---

⁵ Камиль Демулен (1760–1794) — деятель Великой французской революции.

подери! Это людишки, которые сидят в грязном парламенте, умеют красиво говорить, однако они там учатся не только говорить, но и отмалчиваться... Молчать, как этот шпион, который заперся сейчас вон в том доме напротив! Молчать, как он молчал, когда я стучал в дверь его спальни! Молчать, как он и сейчас молчит, хотя ему там, через дорогу, прекрасно слышен мой голос. Но он затаился и дрожит, как трусливый заяц! Молчание их, политиков, может быть слишком красноречиво, но пришло время, когда мы, не имеющие права говорить, должны заговорить. Знайте, что вас предают! Предают в интересах пруссаков! Предают прямо сейчас, в эту самую секунду. И предает вас тот человек. Я — Жюль Дюбоск, полковник артиллерии из Бельфора. Вчера мы поймали немецкого лазутчика в Вогезах. У него мы нашли записку... Вот она, эта записка, у меня в руке. Дело попытались замять, но я пришел с этой запиской сюда, к тому человеку, который написал ее... К человеку, который прячется в этом доме! Написана записка его почерком, и на ней — его инициалы. Здесь говорится, где раздобыть секрет изготовления нового бесшумного пороха. Хирш изобрел его и сам же состряпал это письмецо. Записка на немецком языке, и нашли ее в кармане немца.

«Передайте кому надо, что формула пороха хранится в военном министерстве, на потайной полке первого слева от стола секретаря шкафа, в длинном сером конверте. Написана красными чернилами. Пусть будет осторожен. П. Х. ».

Короткие предложения вылетали из него, как пули из пулемета, но по всему было видно, что глашатай либо безумен, либо прав. Почти все собравшиеся послушать были националистами, и по толпе уже прошел недобрый ропот. Меньшинство не менее рассерженных интеллектуалов во главе с Арманьяком и Брюном лишь еще сильнее разжигало воинственность большинства.

— Если это военная тайна, — выкрикнул Брюн, — зачем об этом на всю улицу орать?

— А я скажу зачем. — Голос Дюбоска перекрыл крики взревевшей толпы. — Сначала я пришел к этому человеку культурно и вежливо. Если бы у него оказалось хоть какое-то объяснение, все бы осталось между нами. Но он отказался со мной разговаривать! Сказал, чтобы я, видите ли, шел в закусочную напротив и разговаривал с какими-то двумя его прислужниками. Меня попросту выставили из дома, но сейчас я собираюсь вернуться, и на этот раз за спиной у меня будут стоять добрые парижане!

Казалось, от поднявшегося шума содрогнулись стены дома напротив. В его сторону полетели два камня, один из которых разбил стекло в высокой стеклянной двери на балконе. Взбешенный полковник снова нырнул в арку, и через миг его негодующие крики уже доносились из дома. Людское море на улице росло с каждой секундой, его волны накатывали на решетчатую ограду и лестницу дома изменника. Когда стало понятно, что этому бастиону уготована судьба Бастилии, разбитая стеклянная дверь отворилась и на балкон вышел доктор Хирш. На какой-то миг гневные крики сменились смехом, до того нелепой показалась фигура, возникшая в центре этого урагана. Длинной голой шеей и покатыми плечами он напоминал бутылку шампанского, но во всем его облике это был единственный намек на что-то радостное. Пиджак висел на нем, как на вешалке, длинные морковного цвета волосы торчали в разные стороны, щеки и подбородок окаймляла гаденькая бородка из тех, которые начинаются далеко ото рта и идут по контуру лица. Он был очень бледен, и глаза его скрывались за синими очками.

Но, каким бы тщедушным он ни выглядел, говорил он с таким чувством, что уже к середине третьего предложения толпа затихла и начала внимать.

— ... которые я могу сказать сейчас. Первое будет обращено к моим врагам, а второе — к друзьям. Врагам своим я говорю: да, я не собираюсь встречаться с месье Дюбоском, хотя он сейчас у меня за спиной и пытается высадить дверь в мою комнату. Да, я действительно попросил двух своих друзей утихомирить его, и я скажу почему. Потому что я не хочу и не обязан встречаться с этим господином... Потому что встретиться с ним означает переступить через чувство собственного достоинства. Прежде чем в официальном порядке суд снимет с меня все обвинения, я полагаю, что этот господин должен ответить мне по законам чести, если она у него есть, и, отсылая к нему своих секундантов, я ни на мгновенье...

Арманьяк и Брюн бешено замахали шляпами, даже противники доктора восторженным ревом встретили этот вызов, прозвучавший столь неожиданно. Следующие несколько предложений утонули в громогласных криках и аплодисментах, но потом его слова снова стали слышны.

— ...Теперь я обращаюсь к своим друзьям. Я всегда предпочитал силе оружия силу разума, и человечество наверняка со временем перейдет на решение любых споров именно таким способом. Но самое ценное, что у нас есть — истина, — является основополагающей силой как материи, так и наследственности. Книги мои пользуются успехом,

теории мои еще никто не смог опровергнуть, но в политике я стал жертвой предрассудков, что во Франции страшнее любой критики. Я не умею говорить как Клемансо⁶ или Дерулед⁷, потому что каждое их слово звучит эхом пистолетного выстрела. Для французов дуэль — такое же обычное дело, как для англичан занятие спортом или охотой. Что ж, я приведу свои доводы. Я исполню этот варварский обычай, после чего навсегда вернусь к разумной жизни.

Когда полковник Дюбоск, удовлетворенный услышанным, вышел из дому, долго искать секундантов ему не пришлось, поскольку навстречу ринулась целая толпа желающих выступить в этой роли. Первым оказался тот самый военный с кофе, который представился просто: «Герцог де Валон. К вашим услугам, сударь». Вторым был здоровяк, пивший в кафе сироп. Священник сначала попытался отговорить своего друга, но потом отошел в сторону.

---

⁶ Жорж Клемансо (1841–1929) — политический деятель, премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг.

⁷ Поль Дерулед (1846–1914) — французский политический деятель крайне правого националистического направления.

Под вечер в кафе «Карл Великий» был накрыт легкий ужин. Хотя столики и стояли на улице и над головами посетителей не было ни стекла, ни позолоченного потолка, крышей здесь служили листья каштанов, шуршащие и покачивающиеся на легком ветру. Деревья так тесно обступали столики, что казалось, будто кафе расположено посреди прекрасного тенистого сада. За одним из столиков посередине в полном одиночестве сидел толстенький маленький священник. Он был занят тем, что с унылым видом, но отнюдь не без аппетита уплетал запеченных мальков сельди. Поскольку повседневная жизнь скромного служителя церкви была очень простой, он особенно высоко ценил неожиданные и редкие удовольствия. Святой отец был воздержанным эпикурейцем. Он ни разу не отвел глаз от тарелки, по краю которой были аккуратно разложены красный перец, лимоны, ржаной хлеб с маслом и так далее, пока на столик не упала тень и на стул напротив не опустился его друг Фламбо. Фламбо был невесел.

— Боюсь, от этого дела придется отказаться, — мрачно произнес он. — Я всей душой за французских солдат, как Дюбоск, и всем сердцем против французских атеистов, как Хирш, но, по-моему, на этот раз вышла ошибка. Мы с герцогом решили проверить обвинение, и, должен сказать, я рад, что мы это сделали.

— Значит, та записка — подделка? — осведомился священник.

— В этом-то и странность, — ответил Фламбо. — Почерк точно Хирша, никто не нашел ни малейшего отличия, но Хирш не мог ее написать. Если он патриот Франции, то он не мог ее написать, потому что в ней содержатся важные для Германии сведения. А если он немецкий шпион, то он не мог ее написать, потому что... потому что для Германии она совершенно бесполезна.

— Вы хотите сказать, что сведения, которые в ней содержатся, неточны? — спросил отец Браун.

— Неточны, — ответил его собеседник. — И неточны именно в том, в чем доктор Хирш никак не мог ошибиться. А вернее, в указании места, где в его собственном кабинете хранятся его же личные бумаги. Испросив разрешение у Хирша и у властей, мы с герцогом осмотрели шкаф в военном министерстве, где хранятся формулы Хирша. Мы были единственными людьми, кто их видел, кроме самого изобретателя и военного министра. Министр разрешил нам это сделать только для того, чтобы уберечь Хирша от поединка. После этого мы не можем выступать на стороне Дюбоска, раз все его обвинения голословны.

— А они голословны? — спросил отец Браун.

— Еще как, — мрачно произнес Фламбо. — Это чистой воды подделка, причем неумелая. И

состряпал ее тот, кто понятия не имеет, где на самом деле хранятся бумаги. В записке говорится, что они находятся в шкафу слева от стола секретаря, а в действительности шкаф с потайной полкой стоит чуть правее стола. Там говорится, что документ, написанный красными чернилами, находится в длинном сером конверте. Но текст написан вовсе не красными, а самыми обычными черными чернилами. Согласитесь, нелепо предполагать, что Хирш мог так ошибиться насчет документа, о котором кроме него вообще никто не знал, или думать, что помогает иностранному лазутчику, посылая его копать в неправильном шкафу. Нет, я думаю, нам нужно бросать это дело и извиниться перед старым рыжиком.

Отец Браун, похоже, о чем-то задумался. Он поднял на вилке маленькую рыбешку.

— Вы уверены, что серый конверт был не в левом, а в правом шкафу? — уточнил он.

— Совершенно, — ответил Фламбо. — Серый конверт... Он, правда, был белым, но...

Отец Браун опустил вилку с серебристой рыбкой и уставился на друга.

— Что? — произнес он изменившимся голосом.

— А что? — переспросил Фламбо, уписывая за обе щеки.

— Так конверт был не серым... — задумчиво протянул священник. — Фламбо, вы меня пугаете.

— О дьявол, чем же я мог так вас испугать?

— Белый конверт, — серьезно произнес отец Браун, — вот что меня испугало. Если бы только он был серым! Но он белый, и это все меняет. Выходит, доктор и впрямь что-то затеял.

— Но он не мог написать такой записки! — вскричал Фламбо. — Все, что там написано, неправильно. Уж не знаю, грешен доктор Хирш или невиновен, но уж он-то должен был знать, что там и как.

— Человек, который написал эту записку, абсолютно точно знал все, что связано с этими бумагами, — рассудительно произнес клирик. — Он просто не мог ошибиться совершенно во всем, если бы не знал этого всего. Нужно быть очень осведомленным... просто дьявольски осведомленным, чтобы сделать ошибку в каждой частности.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что, если бы человек лгал наугад, в чем-нибудь его слова обязательно совпали бы с истиной, — уверенно ответил его друг. — Вот представьте себе, что вас посылают найти дом с зеленой дверью и голубыми ставнями, в котором сад расположен на переднем дворе, но не на заднем, хозяева которого держат собаку, но не кошку и

пьют кофе, но не чай. Не найдя такого дома, вы скажете, что все это описание взято с потолка. Однако я с вами не соглашусь. Я скажу, что если вы обнаружите дом с голубой дверью и зелеными ставнями, где сад находится за домом, где кошек хоть пруд пруди, а собак немедленно пристреливают, где чай пьют ведрами, а кофе строго-настрого запрещен, это и есть тот дом, который вам нужен. Человек должен был знать все про этот дом, чтобы ошибаться так аккуратно.

— Но зачем это могло ему понадобиться? — не унимался Фламбо.

— Ума не приложу, — признался Браун. — Я не понимаю смысла аферы Хирша. Если бы ошибка была только в указании на шкаф или в цвете чернил, я бы решил, что это случайные промахи того, кто подделывал записку, как утверждаете вы. Но тройка — мистическое число, она указывает на законченность, и этот случай — не исключение. То, что неверно был указан шкаф, цвет чернил и цвет конверта, не может быть простым совпадением. И это не совпадение.

— А что же? — спросил Фламбо, возвращаясь к обеду.

— Этого я тоже не знаю, — не скрывая растерянности, произнес Браун. — Могу лишь предположить, что... Знаете, знаменитое дело Дрейфуса так и осталось для меня загадкой. Я

всегда больше полагаюсь на нравственные обстоятельства, чем на какие-либо иные. Понимаете, я сужу по глазам и по голосу человека. По тому, счастлива ли его семья, по тому, что он любит... и чего избегает. Дело Дрейфуса поставило меня в тупик. Но не теми жуткими обвинениями, которые сыпались с обеих сторон. Я знаю (хоть так уже и не принято говорить), что и сейчас даже в самых высоких кругах есть свои Ченчи и Борджиа. Но... Меня озадачило то, насколько искренни были обе стороны. Я говорю не о политических партиях, противостоявших в том деле. Рядовые члены всегда более-менее честны и сами часто становятся жертвами обмана. Я говорю о ключевых игроках. О самих заговорщиках, если заговор существовал, о предателях, если он был предателем. Я говорю о тех людях, которые должны были знать истину. Дрейфус вел себя как человек, верящий в то, что его оклеветали. Однако французские чиновники и военные тоже вели себя так, будто знали наверняка, что он изменник. Нет, я не хочу сказать, что они вели себя правильно, я хочу сказать, что они вели себя так, будто были уверены в своей правоте. Мне трудно все это описать, но я понимаю, что имею в виду.

— Хотел бы я это понимать... — покачал головой его друг. — И какое все это имеет отношение к старине Хиршу?

— Представьте себе человека, владеющего некими секретными сведениями, — продолжил священник, — который начинает снабжать врагов ложной информацией. Допустим, он даже считает, что спасает свою родину, пуская иностранцев по ложному следу. Предположим, это приводит его в шпионские круги. Вокруг него начинает затягиваться петля. То денег ему немного одолжат, то еще чем-то обяжут, в общем, узелки завязываются. Предположим, ему каким-то образом удастся сохранять свое шаткое положение. Он не раскрывает иностранным шпионам истинные факты, но преподносит их в таком виде, что о правде можно догадаться, и со временем догадываться становится все проще и проще. Его лучшая часть (вернее, то, что от нее осталось) говорит: «Я не помогаю врагу. Я указал на левый шкаф». Худшая его часть тут же возразит: «Но у них достанет ума понять, что искать надо в правом шкафу». Мне кажется, с психологической точки зрения, такое возможно... в наш просвещенный век.

— С точки зрения психологии, это, может быть, и возможно, — сказал на это Фламбо, — и это, конечно же, объясняет, почему Дрейфус был уверен, что его обвинили незаслуженно, а судьбы, в свою очередь, не сомневались, что он виновен. Но с точки зрения истории объяснение ваше никуда не

годится, потому что в документе Дрейфуса (если это был его документ) сведения были точными.

— Я говорил не о Дрейфусе, — негромко произнес отец Браун.

К этому времени остальные посетители кафе уже разошлись, и вокруг сделалось тихо. Час был поздний, но еще не стемнело, солнечный свет как будто запутался в ветках деревьев и теперь падал на столики мелкими неровными пятнами. В этой тишине Фламбо резко подвинул свой стул (шум, который издало это движение, прозвучал неожиданно громко и даже как будто повторился эхом) и перекинул локоть через его спинку.

— Что ж, — довольно резко произнес он, — если этот Хирш всего лишь трусливый предатель...

— Не судите таких людей слишком строго, — мягко произнес отец Браун. — Они не так уж виноваты. Они просто лишены чутья. Я говорю о том врожденном чутье, которое подсказывает женщине не танцевать с тем или иным мужчиной, либо мужчине не дает запустить руку во вложенные в предприятие деньги. Их научили закрывать глаза на мелочи.

— Какая разница! — горячо вскричал Фламбо. — Моему подопечному он и в подметки не годится. Видно, дело придется довести до конца. Дюбоск, может быть, слегка и не в себе, но выходит, что он все-таки патриот.

Отец Браун снова взялся за вилку и начал есть.

Что-то в том, как невозмутимо он вернулся к трапезе, заставило Фламбо внимательнее присмотреться к своему другу.

— Что с вами? — осведомился он, буравя маленького священника пылающими черными глазами. — С Дюбоском ведь все в порядке. Или вы сомневаетесь в нем?

— Мой друг, — тяжело вздохнув, сказал отец Браун и опустил нож и вилку, — я сомневаюсь во всем. Во всем, что произошло сегодня. Я сомневаюсь во всей этой истории, хотя сам был ее свидетелем. Я сомневаюсь во всем, что сегодня утром произошло у меня на глазах. В этом деле есть что-то необычное. Это не заурядная полицейская загадка, где один человек в той или иной степени лжет, а второй в той или иной степени говорит правду. В нашем случае они оба... Но я уже высказал вам единственную пришедшую мне на ум версию, которая как будто объясняет все факты. Только сам я не считаю ее удовлетворительной.

— Я тоже, — нахмурившись, произнес Фламбо, в то время как его собеседник со смиренным видом снова принялся за еду. — Если кроме записки, которую нужно понимать наоборот, вы ничего не можете предложить, то я бы назвал

это чертовски хитрым трюком, но... А как бы вы это назвали?

— Я бы назвал это довольно простой уловкой, — не задумываясь, ответил священник. — Очень простой уловкой. Но в том-то и загвоздка. Это ложь уровня школьников. Есть только три версии происходящего. Версия Дюбоска, версия Хирша и мое предположение. Эту записку написал либо французский офицер, желающий погубить французского ученого; либо сам французский ученый, с тем расчетом, чтобы оказать помощь немецким офицерам или, наоборот, запутать их. Прекрасно, но только записка не очень похожа на секретный документ такой важности. Такие бумаги, наверное, шифруют, я бы не удивился, если бы там были сокращения, какие-нибудь научные или специальные, непонятные посторонним термины. Но нет, все в ней исключительно просто. Все как в дешевом приключенческом романе: «Сундук с сокровищами ищите в Сиреновом гроте». Выглядит это так, будто... будто ее специально написали, чтобы обман бросился в глаза.

Едва прозвучали эти слова, к ним торопливой походкой подошел невысокий человек во французском военном мундире и грузно опустился на стул.

— У меня чрезвычайные новости, — сообщил герцог де Валон. — Я только что от нашего

полковника. Он уезжает из страны и просит нас извиниться перед его противником *sur le terrain*⁸.

— Что? — вскричал Фламбо. — Извиниться?

— Да, — мрачно ответил герцог. — Именно так. Перед всеми... Когда принесут клинки. И мы с вами должны сделать это, когда он будет ехать за границу.

— Как это понимать? — взревел Фламбо. — Не может быть, чтобы он испугался этого заморыша Хирша, будь он проклят! Что его бояться-то? — Голос Фламбо дрожал от благородного гнева.

— Лично я думаю, это какой-то заговор! — зло произнес Валон. — Заговор евреев и франкмасонов. Наверняка это задумано, чтобы возвеличить Хирша...

Лицо отца Брауна оставалось спокойным, но на нем появилось какое-то странное выражение блаженной удовлетворенности, которое могло означать как совершенное неведение, так и полное понимание. Но в один миг маска глупости спала, и ее место заняла маска мудрости. Фламбо, который прекрасно знал своего друга, понял, что ему внезапно стало все понятно. Но Браун ничего не сказал, лишь стал молча доедать рыбу.

---

⁸ На поле боя (*фр.*).

— И когда вы виделись с нашим драгоценным полковником? — раздраженно поинтересовался Фламбо.

— Да только что в «Отель Сен-Луи», здесь, за Елисейскими Полями, куда мы его отвозили. Он чемоданы собирал.

— Как думаете, он все еще там? — Фламбо хмуро свел брови.

— Вряд ли он уже успел собраться, — ответил герцог. — Уезжать он, похоже, намерен надолго...

— Нет, — просто произнес отец Браун и неожиданно встал. — Поездка у него будет очень короткая. Короче и быть не может. Но мы успеем его перехватить, если поедем на такси.

Больше от него ничего добиться не удалось. Машина подлетела к «Отель Сен Луи», остановилась, они вышли и под предводительством отца Брауна углубились в переулок, который сгущающиеся сумерки уже наполнили мраком. И только там, после того как герцог в который раз спросил, повинен Хирш в измене или нет, маленький священник наконец заговорил.

— Нет, — как-то рассеянно произнес он. — Он повинен лишь в честолюбии... Как Цезарь. — А потом совершенно не к месту добавил: — Он живет совсем один, и ему все приходится делать самому.

— Что ж, если ему так уж хочется славы, то теперь он может быть доволен, — ядовито заметил

Фламбо. — Теперь, когда наш чертов полковник дал деру, весь Париж будет восхищаться им.

— Говорите тише, — вполголоса произнес отец Браун. — Вон ваш чертов полковник, прямо впереди.

Оба секунданта вздрогнули и отступили в тень, ближе к стене, потому что впереди в полутьме и впрямь показалась коренастая фигура их подопечного, в каждой руке он нес по сумке. Выглядел он так же, как когда они увидели его в первый раз, только сменил свои колоритные короткие бриджи на обычные брюки. Сомнений не было, он собирался покинуть гостиницу.

Задворки, по которым они последовали за ним, больше всего напоминали внутреннее помещение театра за сценой. Одна сторона мрачной улочки была сплошной длинной кирпичной стеной с провалами безликих серых дверей в грязных пятнах. Все они, накрепко закрытые, ничем не отличались, разве что на некоторых какой-нибудь беспризорник написал мелом непонятные каракули. Над стеной через ровные промежутки торчали верхушки деревьев — в основном это были невзрачные вечнозеленые растения, — а между ними в сизом полумраке виднелись задние стены высоких парижских домов. До них было не очень далеко, но выглядели они так же недосягаемо, как

далекая гряда мраморных гор. По другую сторону улочки тянулась высокая решетка угрюмого парка.

Фламбо озадаченно покрутил головой.

— Знаете что, — сказал он, — чем-то это место...

— Что за черт! — неожиданно воскликнул герцог. — Полковник исчез! Как будто в воздухе растворился!

— У него ключ, — пояснил отец Браун. — Он просто нырнул в одну из дверей.

И тут же впереди послышался глухой звук захлопывающейся деревянной двери.

Фламбо в два шага подскочил к двери, но поздно: в замке щелкнул ключ. Фламбо на секунду замер, азартно покусывая кончик уса, потом вскинул руки и в два счета, как обезьяна, вскарабкался на стену и встал на ней во весь свой огромный рост. Его темная фигура, подобно кроне дерева, четко вырисовалась на фоне багрового неба.

Герцог посмотрел на священника и сказал:

— Похоже, Дюбоск организовал побег серьезнее, чем мы думали. Вероятно, он все же хочет покинуть Францию.

— Он хочет покинуть этот мир, — сказал отец Браун.

Глаза Валона вспыхнули, но голос сделался глуше:

— Думаете, он хочет покончить с собой?

— Тела его вы не найдете, — услышал он в ответ.

Тут откуда-то сверху раздался крик Фламбо.

— Боже мой! — воскликнул он по-французски. — Я наконец понял, что это за место! Это же задняя сторона улицы, на которой живет Хирш. Любой дом я могу узнать по его тыльной стороне так же, как человека по спине.

— Ага, так Дюбоск пошел к нему! — герцог хлопнул себя по ляжке. — Значит, они все-таки встретятся! — И с неожиданным французским проворством он вскочил на стену, уселся рядом с Фламбо и от возбуждения даже начал болтать ногами. Священник остался внизу один. Он прислонился к стене, утратив из виду место, где должны были разворачиваться события, и устремил тоскливый взгляд на ограду сада и темные силуэты деревьев на другой стороне улицы.

Герцог, несмотря на охватившее его возбуждение, как настоящий аристократ, предпочитал не шпионить, а наблюдать за домом со стороны. Но Фламбо, который был прирожденным вором (и сыщиком), уже перепрыгнул со стены на соседнее одинокое дерево, где расходились в стороны две большие ветки, и по одной из них приблизился почти вплотную к единственному освещенному окну на всей темной стене высокого дома. Окно закрывала красная занавеска, но с одной

стороны она сбилась, к этой щелке и подполз по гибкой, раскачивающейся ветке Фламбо, рискуя упасть и свернуть шею. Внутри он увидел полковника Дюбоска, который расхаживал по роскошной, ярко освещенной комнате. Однако, хоть Фламбо и приблизился вплотную к дому, он все же слышал слова своих спутников.

— Да, сейчас они наконец встретятся! — повторил он вполголоса.

— Они никогда не встретятся, — слышался голос отца Брауна. — Хирш был прав, когда говорил, что в такой ситуации, как эта, противники не должны встретиться. Вы не читали необычный психологический рассказ Генри Джеймса⁹ о двух людях, которым никак не удавалось повстречаться, из-за чего они, в конце концов, начали бояться друг друга и видеть в этом судьбу? Тут что-то похожее, только еще интереснее.

— Ничего, в Париже есть люди, которые излечат их от таких болезненных фантазий, — мстительно произнес Валон. — Они у нас встретятся, дайте только до них добраться. Уж мы заставим их драться.

---

⁹ Генри Джеймс (1843–1916) — американский писатель-реалист.

— Им не встретиться даже в Судный день, — сказал священник. — Если даже Господь всемогущий укажет место, дуэль не состоится. Если сам святой Михаил протрубит начало поединка... даже тогда, когда один из них будет стоять у барьера, второй не явится.

— К чему вся эта мистика? — раздраженно бросил герцог да Валон. — Что им мешает встретиться, как остальным нормальным людям?

— Они противоположны друг другу, — с непонятной улыбкой произнес отец Браун. — Они друг другу противоречат. Так сказать, исключают друг друга.

Он все так же всматривался в темнеющие деревья напротив, но Валон, услышав приглушенный возглас Фламбо, повернулся. Сыщик, продолжавший наблюдение за освещенной комнатой, только что увидел, как полковник, сделав пару шагов, начал снимать пиджак. Первое, о чем подумал Фламбо, — сейчас начнется поединок. Но уже через миг мысли его устремились совсем в ином направлении. Оказалось, что мощная грудь и квадратные плечи Дюбоска в действительности были не более чем изрядным слоем подкладочного материала, прикрепленного к пиджаку с внутренней стороны. Когда полковник остался в одной рубашке и брюках, стало видно, что это сравнительно худой господин. Из спальни он направился в ванную с

целью, которую никак нельзя назвать воинственной, — умыться. Он наклонился над раковиной, потом вытер полотенцем мокрые руки, лицо и снова повернулся к свету. От смуглости его не осталось и следа, длинные усы исчезли, он... был чисто выбрит и очень бледен. От бравого полковника остались разве что очень яркие карие глаза. Отец Браун, по-прежнему стоявший у стены, продолжил тихим ровным голосом, словно мыслил вслух:

— Это я и пытался втолковать Фламбо. Такого идеального несовпадения не бывает. Полные противоположности не сочетаются. И не вступают в конфликт. Если черному противопоставлено белое, жидкому — твердое, и так далее во всем остальном, значит, здесь что-то не так. Месье, здесь что-то не в порядке. Один из этих мужчин светловолос, второй — брюнет, один дородный, второй худой, один сильный, а второй слабый. Один носит усы без бороды, чтобы не было видно рта, а второй носит бороду без усов, чтобы не было видно подбородка. Один коротко острижен, но шею скрывает под шарфом, второй носит рубашки с низким воротничком и длинные волосы, скрывающие форму черепа. Все слишком правильно и слишком хорошо совпадает, месье. Именно поэтому здесь что-то не в порядке. Стороны настолько противоположные не могут

быть друг другу враждебны. Как только один из них показывается, второй прячется. Как лицо и маска, как замок и ключ...

Фламбо неотрывно смотрел в окно и был бледен как полотно. Человек в залитой ярким светом комнате теперь стоял перед зеркалом к нему спиной. Он уже успел приладить к голове что-то вроде обрамления из длинных всклокоченных рыжих волос, переходящих в бородку, которая окаймляла челюсти, оставляя видимым насмешливо искривленный рот. Преобразившееся лицо в зеркальном отражении напоминало лик хохочущего Иуды в окружении языков беснующегося адского пламени. На какую-то долю секунды взору Фламбо предстали яростные карие глаза, но в следующий миг они скрылись под синими очками. Набросив свободный черный пиджак, фигура исчезла из виду в глубине дома. Через несколько мгновений взрыв аплодисментов с другой стороны дома возвестил о новом появлении на балконе доктора Хирша.

Волшебная сказка отца Брауна

Живописный город-государство Хейлигвальденштейн был одним из тех игрушечных королевств, которые до сих пор еще можно отыскать в разных частях Германской империи. Под прусским владычеством он оказался

совсем недавно, самое большое лет за пятьдесят до того солнечного летнего дня, когда Фламбо с отцом Брауном сели выпить местного пива в одном из его садов. И еще совсем недавно здесь было вдоволь и войн, и расправ без суда и следствия, как скоро станет ясно из рассказа. Но, глядя на эти земли, нельзя было не почувствовать той детскости, которая является самой очаровательной чертой Германии, невозможно было не представить себе одно из тех кукольных, сказочных королевств, где король — такая же близкая, обыденная фигура, как кухарка. Немецкие солдаты у бесконечных караульных будок странно напоминали игрушечных солдатиков, а замок, ровные стены с бойницами которого золотились на солнце, был больше похож на политый глазурью имбирный пряник. Ибо погода стояла чудесная: небо, залитое той берлинской лазурью, которой и в самом Потсдаме ¹⁰ остались бы довольны, насыщенностью и густотой цвета больше напоминало небо, нарисованное ребенком красками из дешевого набора. Даже старые деревья с серыми ребристыми стволами казались молодыми, потому что остроконечные почки на них оставались все

---

¹⁰ В Потсдаме находилась резиденция прусских королей и императоров Германии.

еще розовыми. Выстроившись рядами на фоне небесной синевы, они казались неисчислимыми детскими фигурками.

Несмотря на заурядную внешность и, в сущности, прозаический уклад жизни, отец Браун не был лишен определенной склонности ко всему романтическому, хотя фантазии свои чаще всего держал при себе, как делают многие дети. Наслаждаясь свежими, яркими красками погожего денька, да еще в таком геральдическом городке, священник и впрямь почувствовал себя так, будто попал в сказочную страну. Он, как младший братик рядом со взрослым старшим братом, по-детски радовался, рассматривая внушительную трость с вкладной шпагой, которой Фламбо имел привычку размахивать в пути и которая сейчас стояла прислоненной к столику рядом с его высокой кружкой мюнхенского. Да что там говорить, даже шишковатая, неудобная ручка собственного старенького зонтика пробудила в памяти размечтавшегося служителя церкви смутные воспоминания о дубинке великана-людоеда, которую он когда-то видел на цветной картинке в детской книжке. И все же за свою жизнь отец Браун не сочинил ничего, ни единой строчки, ни одного рассказа, если не считать той истории, которая сейчас будет изложена...

— А вот интересно, — сказал он, — можно ли здесь вообще угодить в настоящую переделку? Декорации для этого просто изумительные. Правда, мне почему-то все время кажется, что колоть тебя будут картонными мечами, а не настоящими страшными саблями.

— Вы ошибаетесь, — заметил его друг. — Здесь убивают не только саблями, но и без них. И это еще не самое страшное.

— Да? О чем вы? — поинтересовался отец Браун.

— О, — ответил Фламбо, — это, пожалуй, единственное место в Европе, где человек был застрелен без использования огнестрельного оружия.

— Стрелой из лука, что ли? — чуть приподнял брови Браун.

— Пулей в голову, — последовал ответ. — Вы разве не слышали, что произошло со здешним принцем? Лет двадцать назад эта загадка наделала много шуму. Полиция тогда с ног сбилась. Вы, конечно, помните, что эта область была силой аннексирована в те времена, когда Бисмарк только приступил к выполнению своего плана объединения... Правда, оказалось, что сделать это не так-то просто. Империя (или то, что хотело стать империей) прислала сюда своего ставленника принца Отто Гроссенмаркского, который должен

был править этим краем в имперских интересах. Мы с вами видели его портрет в галерее. С виду приятный старичок... если бы не полное отсутствие волос и бровей да жуткие складки по всему лицу, как у стервятника. Но спокойной жизни он тут не видел, и сейчас я объясню почему. Он был прекрасным полководцем, талантливым и удачливым, но с этим маленьким городком ему пришлось повозиться. В нескольких битвах он потерпел поражение от знаменитых братьев Арнхольдов, трех патриотов-партизан, которым Суинберн ¹¹ даже стихотворение посвятил, помните:

Черные волки в белых мехах горностаевых,
В коронах вороны, блистательные короли.
Пред жадной нечисти бесчисленными стаями
Те трое избранных не склониться смогли.

Или что-то в этом роде. Да, скорее всего, оккупация и не была бы успешной, если бы не низкий, но вполне целенаправленный поступок одного из братьев, Пауля, который в конце концов склонился пред жадной нечисти бесчисленными

---

¹¹ Алджернон Чарльз Суинберн (1837–1909) — английский поэт.